

Моррис, Уильям. "ИСКУССТВО И ЕГО ТВОРЦЫ." *Избранные статьи, лекции, речи, письма.* Москва, 1973.

"ИСКУССТВО И ЕГО ТВОРЦЫ."

То, что я должен рассказать, покажется вам, боюсь, хорошо известным, но, думается, для начала кампании за популяризацию и развитие прикладных искусств тема моей лекции очень важна. Для начала я предложу вам ее текст, чтобы вам заранее была ясна направленность моего выступления. Такой план, я надеюсь, сэкономит и ваше и мое время.

Побуждение к труду связывают обычно с необходимостью зарабатывать себе средства к жизни. И так как в нашем современном обществе это действительно единственное побуждение для тех трудящихся, которые заняты производством товаров, имеющие некоторое отношение к искусству, то маловероятно, чтобы работающие таким образом люди могли создавать подлинные художественные произведения. Поэтому желательно, чтобы либо вообще подобные товары были без всякой претензии на художественность и чтобы к искусству относились лишь предметы, предназначенные быть произведениями искусства, например картины, скульптура и тому подобное, либо чтобы побуждение трудиться из-за необходимости было соединено с интересом к самой работе и стремлением насладиться ею.

Таковы мои основные положения, и я совершенно уверен, что вы сочтете нужным серьезно обдумать содержание моего доклада, если только намерены действовать, а не просто толковать об искусстве, для чего художественные произведения не нужны, ибо ныне и без того придумано множество изящных фраз, отвечающих на все житейские вопросы.

Во-первых, стоит ли делать вид, будто мы создаем архитектуру и архитектурные искусства, если на самом деле их не существует? Во-вторых, должны ли мы по беспечности либо с отчаяния в принципе от них отказаться, из-за того, что в действительности их нет? И в-третьих, стоит ли добиваться, чтобы они у нас были?

Утвердительно ответить на первый вопрос--значило бы признать, что мы были слишком беспечны и беспорядочны, чтобы всерьез его обдумать, независимо от того, не было ли это с нашей стороны глупостью (и весьма прискорбной). Утвердительный ответ на второй вопрос заставил бы признать в нас очень правдивых людей, решивших не обременять себя никакой ответственностью, даже если бы это обрекло нас на скучную и бессодержательную жизнь. Если же мы искренне ответили бы утвердительно на третий вопрос, то приняли бы на себя и ответственность за собственную жизнь и множество всяких забот, по крайней мере на некоторое время, но зато стали бы намного счастливей.

Боюсь, что хотя я и выдвинул перед вами второе из перечисленных решений ради внешней логической обстоятельности, но мы теперь не вольны сознательно принять его, хотя в конце концов нам придется это сделать. Сегодня, полагаю, для нас возможны только два решения: спокойно принять широко распространяющееся псевдоискусство, которое в действительности распространяется не дальше рекламных объявлений, или же начать бороться за такое искусство, которое проникло бы во всю нашу жизнь и сделало бы ее счастливей. Но так как это решение, если мы относимся к нему серьезно, повлечет за собою перестройку общества, то давайте сначала посмотрим, что собой действительно представляют архитектурные искусства и стоит ли о них беспокоиться, ибо если не стоит, то лучше все оставить так, как есть, и смириться с тем, что мы были просто очень глупы, заставив себя притворяться, будто мы нуждаемся в этих искусствах, тогда как они вовсе нам не нужны.

Цель архитектурных искусств, если они являются -чем-то подлинным,--добавлять ко всем предметам домашнего обихода известную долю красоты, которая желательна и потребителю и мастеру. До сравнительно -недавнего времени никто и не спрашивал, должны ли быть красивыми и интересными эти предметы,-- это подразумевалось само собой, без какого-то бы ни было определенного требования со стороны потребителя и без сознательных стараний мастера. А псевдоискусство, о котором я говорил,-- просто укрепившийся в нашей жизни пережиток. Это одна из причин, почему вы не можете отказаться от псевдоискусства тем простым и логичным способом, какой я только что предложил вам в качестве второго из возможных решений.

Целостность и подлинность архитектурного искусства, которые, заметьте, воплощаются мастером в его изделиях не только потому, что это его обязанность (работая он не чувствует принуждения), но потому, что это ему нравится, хотя он и не всегда осознает, что наслаждается стоим трудом,--такое подлинное архитектурное искусство зависит от товаров, с которыми оно составляет единое целое и которые производятся мастерами-ремесленниками для людей, понимающих в мастерстве толк. Потребитель предпочитает такие-то и такие товары, а мастер, выпускающий их, должен согласиться с его выбором, форма изделий не должна навязываться ни потребителю, ни производителю; оба должны быть одного мнения и иметь возможность при легко вообразимых обстоятельствах обмениваться ролями потребителя и производителя. Сегодня столяр мастерит сундук для ювелира, а завтра ювелир отделяет чашку для столяра, и оба чувствуют в своей работе взаимное согласие, то есть столяр делает для своего друга-ювелира точно такой же сундук, какой сделал бы для себя если бы он ему был нужен, чашка же ювелира точно такая, какую он сделал бы для себя, если бы она была нужна ему. Работая, каждый сознает, что делает вещь, которой будет пользоваться человек с такими же, как и у него, потребностями. Я прошу запомнить эти слова, ибо вскоре мне придется говорить и о различиях в условиях их работы. Тем временем заметьте, что декоративное или прикладное искусство не спрашивает, как, возможно, думает большинство людей, нужно или не нужно украшать или делать изящными беспомощные, безжизненные, но необходимые предметы нашего быта--дом, чашку, ложку и так далее. Сундук и чашка, дом или что-нибудь другое могут быть просты, и неотделаны или же лишены того, что обычно называется орнаментом, но если они создаются в том настроении, о котором я говорил, то неизбежно окажутся произведениями искусства. В работе, выполненной так, интерес к одному занятию сменяется и должен сменяться интересом к другому занятию. Знание человеческих потребностей и сознательное стремление пойти навстречу желаниям людей--это необходимое условие подобной работы, и благодаря ей человечество обретает единство. Мир, покой, который несут с собой искусства, вырастает из корней именно такой работы, и он цветет даже посреди раздоров, тревог и сумятицы.

Таково прикладное искусство, которое, уверяю вас, стоит борьбы за то, чтобы оно действительно существовало. Да, я твердо убежден, что это искусство стоит борьбы, как бы тяжела она ни была. Есть такие вещи, которые достойны любой цены; превыше же всего я ценю сознательную мужественную жизнь, а искусства, во всяком случае, неотъемлемы от такой жизни.

Таково мое представление об условиях, в которых может создаваться подлинное архитектурное искусство, но мои рассуждения не просто воздушные замки, они основаны на изучении истории развития промышленных искусств. Поэтому мне теперь следует сделать беглый обзор моих взглядов на историю, хотя так часто это делалось раньше, что они должны быть известны многим, если не большинству из вас. На протяжении всей истории вплоть до конца средних веков даже и не возникал вопрос, следует ли придавать художественную форму изделиям, предназначенным существовать более или менее длительное время. Такая форма не увеличивала их стоимости и не требовала от мастера сознательных усилий при работе над ними. Просто художественная форма была присуща им, и возникала она так же естественно, как растёт растение. На протяжении всех этих веков такие изделия целиком изготовлялись ручным трудом. Правда, в древнем мире большинство изделий создавалось системой рабского труда, и хотя положение рабов-ремесленников очень сильно отличалось от положения сельских батраков, тем не менее их рабство оставило заметный отпечаток на малых искусствах того периода в их буквально подбострастном подчинении более высокому искусству, которое создавалось художниками. Когда в Европе вместе с классическим миром умерло рабство, то вскоре, словно из котла Медеи, в котором перекипало все, что угодно, возникли средние века. Стоило появиться гильдиям, которые собрали вокруг себя и свободных и крепостных того времени, как эти работники, мастера всевозможных изделий, стали в своей работе свободны безотносительно к

своему социальному положению. Декоративные искусства достигли небывалого расцвета, и, во всяком случае, миру как бы было дано предвкусить ту радость жизни, которая должна быть присуща обществу равных. В это время мастерство ремесленников достигло вершины. Общеизвестная цель ремесленных гильдий, как неопровержимо свидетельствуют их уставы, состояла в том, чтобы справедливо распределять работу среди ремесленников и приостановить в самом начале развитие капитализма и конкуренции внутри гильдии и в то же время производить изделия, критерием ценности которых было их действительное употребление и реальные потребности всех соседей, которые были заняты работой, выполняемой в таком же духе. Этот способ производства, имевший целью потребление, а не прибыль, принес долгие плоды. Конечно, многое из того, что было создано гильдиями XIV и XV веков, погибло. Даже наиболее прочные их создания, например возведенные ими здания, были либо уничтожены, либо пришли в ветхость из-за невежества или нетерпимости, из-за легкомыслия или педантичной придирчивости последующих веков. Но то, что дошло до нас -- и чаще всего благодаря простой случайности, -- оказывается достаточным, чтобы преподать нам следующий урок: никакое развитие цивилизации, никакое вмешательство науки, покорившей в наши дни природу, пока эта наука не касается трудовой жизни рабочих, не способны заместить ни свободу рук и мысли в течение рабочего дня ремесленника, ни заинтересованность его в успехе самой работы. Кроме того, коллективный талант народа, воплощенный в свободном и гармоническом сотрудничестве, для архитектурного искусства гораздо более плодотворен, чем судорожные усилия величайшего индивидуального гения, ибо в первом случае жизнь и радость выражаются свободно, привычно и непосредственно, и это связано с традициями прошлого и, следовательно, столь же неизменно, как и труд самой природы.

Но этому обществу тружеников, этой вершине средневекового труда была суждена короткая жизнь. Его тенденция к равенству была настолько плотно уничтожена развивавшейся политической средой, в которой эта тенденция проявлялась, что о ее существовании едва ли догадывались; до возникшей в наше время школы исторической критики. Люди, которые, пожалуй, невольно склонны терзать себя гаданиями о том, что могло бы произойти, пусть примут во внимание не менее существенные события, которые способствовали, по-видимому, той же перемене, и поразмыслить, что случилось бы, если бы Черная смерть не опустошила половину северо-западной Европы, если бы Филипп ван Артевельде со своими храбрыми воинами нанес бы поражение французскому рыцарству при Росбеке, как сделали их отцы при Куртре, если бы рослые иомены Кента и Эссекса, собравшись на славном поле Майл-Энда, были бы не столь простодушны и не доверились бы молодому авантюристу, который совсем незадолго до того умертвил их вожда и покончил с крестьянской войной.

Все это приятные пустяки, но это и кое-что другое. Системе гильдий должен был неизбежно прийти конец. Как только созрела жажда новых знаний и большей власти над природой, как только двинулась более быстрыми темпами жизнь, развитие производительного труда должно было подняться на новую ступень. Гильдии оказались неспособными удовлетворить нужды в расширении производства и должны были исчезнуть, внося значительный вклад в уничтожение феодальной иерархии и породив буржуазию, которая заняла ее место как господствующая в Европе сила. Капитализм начал созревать еще в недрах цеховой организации; в гильдиях впервые появился и наемный; так называемый свободный рабочий. Вне цехов, особенно в нашей стране, землю стали обрабатывать с целью получения прибыли фермеры-капиталисты, а не крестьяне -- ради добывания средств пропитания, и таким образом была создана система производства, необходимая для развития современного общества -- общества, покоящегося на договорных началах, а не на юридических установлениях. Эта система отличалась тем, что работник уже не был свободен в своей работе: над ним обязательно вставал хозяин, полностью контролирующий эту работу вследствие того, что ему принадлежали и сырье и орудия труда; появился и широкий рынок для продажи товаров, с которым работник не имел непосредственной связи и о существовании которого у него не было никакого представления. Постепенно он перестал быть искусным мастером, человеком, который, чтобы выполнять свою работу, обязательно должен интересоваться ею, поскольку он отвечал за качество изделий, которые ему приходилось производить и рынок для которых состоял преимущественно из его соседей, людей, чьи потребности он хорошо знал. Вместо искусного мастера, каким он был некогда, он становится наемным рабочим, не отвечающим ни за что и обязанным лишь выполнять указания своего мастера. Возможно, что в свободные часы он -- смущенный гражданин, склонный разбираться в политике или тяготеющий к занятиям наукой или чем-

нибудь в этом роде, но в свои рабочие часы он даже не машина, а какой-то небольшой придаток к этой громадной и почти чудодейственной машине--фабрике. Он человек, житейские интересы которого совершенно оторваны от предмета его труда--весь его труд стал □службой□, то есть просто возможностью зарабатывать себе на пропитание в зависимости от воли какого-то другого человека. Обыкновенный рабочий при такой системе совершенно утратил всякий интерес к производству изделий, и этот интерес стал достоянием только организаторов его труда. Но такой интерес имеет обычно очень отдаленное отношение к производству товаров как предметов, которые держат в руках, рассматривают, которыми пользуются,--короче говоря, теперь эти товары--просто фишки в колоссальной игре мирового рынка. Мне представляется, что в этой громадной □производственной□ области имеется немало □производителей□, которые пришли бы в ужас, если бы подумали, что им самим придется пользоваться товарами, которые они □произвели□, и если бы они оказались свидетелями восторга их покупателей; и когда эти товары достигли бы конечной цели своего назначения, то они, вероятно, цинично усмехнулись бы.

В этом коротком обзоре я намеренно опустил ступени, через которые мы пришли к резкому различию между ремесленником средних веков и свободным рабочим наших дней, между производством изделий для непосредственного потребления и производством их как товаров для мирового рынка. Мне хотелось представить вам эти различия возможно отчетливее, но, предвидя возражения, я должен сказать, что отчетливо сознаю, что это превращение происходило постепенно, что свободный рабочий нового времени не должен был в самом начале резко менять способ работы, что система разделения труда коснулась его в XVII веке, что она была усовершенствована в XVIII и что, по мере того как эта система приближалась к совершенству, изобретение автоматически действующих машин еще раз изменило отношение рабочего к своей работе и в крупных промышленных отраслях превратило его из машины в сиделку при машине (мне кажется, это было для него достижением) и, с другой стороны, привело почти все уцелевшие до той поры ремесла под власть той же системы разделения труда и, таким образом, на некоторое время уничтожило мастерство среди тех классов, которые трудом зарабатывают себе на жизнь. Но их мастерство почти совсем вымерло, сохранившись только среди художников-профессионалов, претендующих на звание джентльменов.

Если мы серьезно хотим, чтобы архитектурные искусства утвердились в жизни, мы должны прямо взглянуть в лицо тем фактам, которые в первую очередь касаются рабочего. Но чтобы ясно представить себе действительное положение рабочего, производителя товаров, мы должны уяснить и положение их потребителя. Ибо, возможно, скажут, что если вы хотите, чтобы производились определенные изделия, то нужно лишь создать спрос на них--и производство наладится тогда совершенно естественно, снова преобразив рабочего в ремесленника. Это было бы совершенно верно, если допустить, что такой спрос действительно существует и что он достаточно широк, но затем встает вопрос, можно ли создать такой подлинный и широкий спрос и если можно, то как это сделать?

Нынешняя система производства, превратив ремесленника в лишенную собственной воли машину, превратила также и прежнего соседа с хорошими покупательными способностями в раба широкого рынка, то есть просто в кошелек. Девиз современного коммерсанта--□Не рынок для человека, а человек для рынка□. Рынок, таким образом, хозяин, а человек--раб, что, по моим понятиям, прямо противоположно разумному порядку вещей. Посмотрим так ли это. В наше время приходится сталкиваться с громадной проблемой правильного использования человеческого труда. Если мы не сможем так или иначе использовать труд, то он поглотит нас без остатка--независимо от того, что случится потом. Если нам не удастся применять его должным образом, мы, во всяком случае, должны быть готовы столкнуться лицом к лицу с развращенным и упадочным обществом. И лично я хотел бы, чтобы мы подумали всерьез о правильном применении труда, вместо того, чтобы использовать его как-нибудь. Но при всех условиях, даже оставляя в стороне несколько сотен тысяч людей, которые независимо от направления нашей деятельности будут умирать с голоду или вынуждены будут идти в рабочий дом, мы все равно должны признать, что обязаны позаботиться об устройстве рабочей силы, иными словами--людей. Я только что сказал и настойчиво повторяю опять, что подлинными нанимателями (или, скажем, покупателями) рабочих--это люди трудящиеся, и если бы у них не было других покупателей, то я совершенно уверен, что в конечном счете рабочие были бы заняты только лишь производством полезных вещей, в число которых я, конечно, включаю и всякого

рода художественные произведения. Но так как у рабочих есть и другие покупатели, то у меня такой уверенности нет, и я вижу, да и другие не могут не видеть, что они заняты производством множества хотя и ходких, но бесполезных товаров. Сами они отнюдь не столь хорошие покупатели своих товаров, какими должны бы быть, ибо они недостаточно богаты. Все товары, которые они покупают, низкого качества, поэтому круг покупателей должен быть расширен за счет состоятельных и богатых классов, а последние, надо думать, достаточно богаты, чтобы удовлетворять свои потребности действительно хорошими товарами. Благоразумные люди из их числа не стали бы требовать иных, худших товаров, если бы только могли сдержаться, но, насколько я могу видеть, сдержаться они не могут. Создается впечатление, что азартная игра в прибыль слишком затягивает, а потребность занять рабочую силу слишком настоятельна, чтобы они могли позволить себе покупать и потреблять только то, в чем они нуждаются. Они вынуждены покупать много вещей, в которых не нуждаются; у них, таким образом, обязательно появляется привычка к роскоши и блеску, и поэтому рынок, который пустовал из-за нищеты бедных, вполне может быть занят обслуживанием стремящихся к роскоши богатых. И вы должны понять что, хотя все изготовленные товары должны быть потреблены, это потребление тем не менее не доказывает их полезности; их обязательно нужно использовать, иначе они пропадут зря; если же в них не будет нужды, то они и не могут быть использованы и должны пойти прахом.

Теперь, рассуждая о возможности широкого и настоящего спроса на декоративное искусство, мы сталкиваемся в самом начале с той трудностью, что рабочие, которые должны создавать это искусство, заняты большей частью расточительством своего труда двояким способом--с одной стороны, производя низкопробные товары, покупать которые их вынуждает собственное униженное положение, но на которые по-настоящему не должно быть никакого спроса, с другой же стороны--производя товары не для потребления, а для расточительной жизни богатых классов, причем на эти товары опять-таки не должно быть спроса. И оба вида такого злополучного спроса навязываются обоим этим классам, ибо им навязывается положение, побуждающее их к этому спросу. Широкий рынок, который должен быть нашим слугой, оказывается нашим хозяином и повелевает нами. Поэтому широкий и настоящий спрос на произведения декоративного искусства может создаваться только мастерами художественного ремесла, но он не возникнет при нынешней системе производства, ибо последнее не могло бы развиваться, если бы большая часть его товаров производилась ремесленным способом.

В оконце концов, мы вынуждены прийти к следующему заключению: интерес к работе и наслаждение ею обязательно должно сопровождать создание даже самого скромного произведения искусства.

Но наслаждение и интерес могут иметь место лишь при условии, что рабочий свободен в своем труде, то есть сознает, что он изготавливает вещи, отвечающие его собственным потребностям--потребностям здорового человека. Нынешняя же система машинного производства не допускает существования таких свободных рабочих, которые сознательно трудятся над производством товаров для себя и своих соседей; эта система препятствует возникновению широкого покупательского спроса на товары, создаваемые такими рабочими; поэтому, поскольку ни производители, ни потребители не свободны производить или требовать товары соответственно своим желаниям, мы при нынешней системе производства не можем развивать декоративные искусства, бороться за которые я вас призывал, и должны перестать притворяться, будто обладаем этими искусствами.

Что же нам делать, чтобы сбросить с себя этот позор, чтобы у нас было право оказать, что либо нам недостает в жизни искусства и никакая подмена не может нас удовлетворить, либо же мы и не хотим его и не собираемся его добиваться.

Если вы согласны с моими положениями, то практические выводы из них ясны: мы должны попытаться изменить систему производства товаров. Я не собираюсь тем самым утверждать, что мы должны стремиться к уничтожению всякого машинного оборудования. Какие-то изделия, которые создаются теперь вручную, я предпочел бы делать с помощью машин, а другие изделия, которые теперь производятся с помощью машин, я бы предпочел делать вручную. Короче говоря, мы должны стать повелителями наших машин, а не их рабами, как теперь. Мы хотим освободиться не от той или иной осязаемой стальной или медной машины, а от громадной

неосязаемой машины коммерческой тирании, которая угнетает всех нас. Организацию бунта против засилья коммерческой системы я считаю достойным делом.

Не забывайте, что написано в тексте моего доклада и моих слов о том, что наша цель--присоединить к побуждению трудиться из необходимости интерес к самой работе и наслаждение ею.

Я выступаю не за то, чтобы производить в мире немного больше красоты, хотя я и люблю ее и многим готов пожертвовать ради нее. Я выступаю во имя жизни людей или, если хотите,-- вместе с римским поэтом--во имя целей жизни. В этом зале, возможно, не многие могут себе ясно представить, что значит повседневная нудная работа, чуждая другого результата, кроме продолжения нудной жизни, которая является уделом большинства людей нашей цивилизации. Понять все это можно только благодаря опыту или сильному воображению. Но сделайте все возможное, чтобы это понять, а затем--попытайтесь представить себе ту перемену, которая последует за превращением повседневной безнадежной лямки в повседневный радостный труд, ждущий от нас применения творческой энергии и озаренный сознанием его полезности и надеждой на одобрение друзей и соседей, на благо которых он выполняется. Несомненно, если вы серьезно подумаете об этом, то еще раз признаете, что ради такой перемены стоит принести любые жертвы. Я снова скажу, как говорил не раз, что если человечество не в состоянии надеяться на то, чтобы наслаждаться своим трудом, то лучше ему совсем отказаться от всякой надежды на счастье.

Кроме того, цель тех, кто серьезно относится к народным искусствам,--стать хозяевами своего труда и обрести способность сказать, чем мы хотим обладать и что хотим делать. И, говоря совершенно откровенно, перестройка общества--вот цена, которую мы должны уплатить за достижение этой цели. Ибо эта механическая и деспотическая система производства, которую я осуждаю, столь тесно переплелась с обществом, частью которого мы являемся, что иногда она кажется его предпосылкой, а иногда--следствием, и во всяком случае она связана с этим обществом необходимостью.

Вы не сможете ликвидировать труппы наших больших городов, не сможете добиться, чтобы сельские жители счастливо жили в опрятных и уютных домах на лоне природы, выполняя домашнюю работу или трудясь в период между посевом и жатвой в деревенской мастерской; не сможете, повторяю, добиться этого, пока не уничтожите причин, которые породили грубого обитателя труппы и умирающего с голоду батрака. Действительные условия, общества, есть результат его векового развития, и они не могли не вызвать определенных последствий, устранить которые нельзя временными полумерами. Древнему обществу был присущ раб, средневековому--крепостной, а современному--безответственный наемный рабочий, находящийся под властью хозяина, и этот рабочий не может по чисто внешним причинам выполнять работу, которая выходит за рамки его зависимости от хозяина: ремесленник отвечает за свою работу, а зависимый рабочий может отвечать только за выполнение задачи, поставленной перед ним хозяином.

Но чтобы, вы не подумали, будто я не указываю вам никакого иного пути, кроме стремления к сознательному переустройству общества на основе равенства, я скажу несколько слов о той работе, к которой вы можете приступить тотчас же не столько как граждане, сколько как художники. Есть небольшая группа людей, независимых в своей работе, и зовутся они так, как я только что сказал,--художниками. Как обособленная группа, они порождены, коммерческой системой, которая не нашла применения независимым рабочим, а их отрыв от обычного производства обусловил неблагоприятное состояние декоративного искусства. Во всяком случае, они существуют как независимые ремесленники, но, уязвимо в их положении то, что они трудятся не для всего народа, а только для небольшой его части, которая вознаграждает их за такую замкнутость предоставлением им положения джентльменов. Мне кажется, единственное, что мы можем сделать, если не в силах содействовать переустройству общества,--это стать клиентами такой группы привилегированных художников. Но джентльмены-ремесленники для нас недостижимы, пока мы не подойдем к этой проблеме с более широкой точки зрения, но мы можем попытаться заинтересовать художников прикладными искусствами, продукция которых выпускается сейчас безответственными машинами коммерческой системы, и заставить их понять, что они, художники, как бы велики они ни были, должны принять участие в производстве этой продукции.

В то же время те рабочие, которые теперь всего лишь машины, должны стать художниками, пусть и самыми скромными. Нам же следует попробовать оживить остатки ответственности и независимости, полузадушенные и зарытые под плотным массивом фабричной системы, чтобы установить, нет ли на службе у организаторов коммерческой системы каких-либо людей, являющихся художниками, предоставить этим людям возможность работать более непосредственно для широкой публики и помочь им завоевать похвалу и сочувствие собратьев-художников, к чему, естественно, стремится каждый хороший труженик. Мысль, что это можно сделать, принадлежит не только мне; высказывая ее перед вами, я выражаю подлинное начало нормальной системы труда. Я имею честь принадлежать к небольшому и непритязательному обществу, президентом которого является мистер Крейн и которое под названием Общества содействия искусствам и ремеслам совсем недавно с успехом провело в Лондоне выставку так называемых прикладных искусств с определенным намерением приблизиться к цели, о которой я только что говорил. Некоторым из нас такая работа может показаться очень мелкой и лишенной героизма, особенно если они недавно лицом к лицу столкнулись с бессмысленной мерзостью и убожеством какого-нибудь громадного промышленного округа или же если они так долго жили в подлом аду огромного мирового коммерческого центра, что он уже сросся с их жизнью и они теперь привыкли к нему, то есть дошли в своем падении до предела. Но по крайней мере это хоть какая-то деятельность, ибо она предполагает поддерживать до лучших времен искру жизни в архитектурных искусствах, которые иначе могли бы быть полностью истреблены коммерческим производством,--ведь не так уж много лет назад казалось, что это бедствие вот-вот готово разразиться. Но, думается, эта незначительная работа вовсе не будет нам мешать, а скорее продвинет нас к участию в более широком и важном деле, направляя наши лучшие усилия к воплощению в жизнь того общества равных, которое, как я уже говорил, создаст единственные условия, когда подлинное мастерство станет основой производства и возникнет новая форма труда, которая позволит нам испытывать наслаждение от применения наших творческих способностей и ощущать нашу общность со стремлениями и целями наших соседей-- иначе говоря, со стремлениями и целями всего человечества.

Лекция прочитана в Национальной ассоциации развития искусства в Ливерпуле в 1888 году.